

Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет

Быстро промелькнули пять лет – очень непростых в истории России и тех 25 стран, которые сейчас принято называть посткоммунистическими. Впрочем, современникам свойственно переоценивать (а иногда и недооценивать) выпадающие на их долю тяготы. Вряд ли пять посткоммунистических лет были объективно самыми тяжелыми для россиян в XX столетии – их нельзя даже отдаленно сравнить ни с военным лихолетьем, ни со сталинским террором. Но спросите нашего современника средних лет – и окажется, что худшей ситуации, чем сегодня, нет и быть в России не может. А ведь пока стране удалось избежать множества драматических последствий, сопровождавших распад крупнейших империй XX века. Избежала страна пока и многих тяжелых, трудно поправимых ошибок, которые, как правило, делают правительства в условиях острых трансформационных кризисов, когда происходит смена отжившей общественной системы новой. Однако это должно быть темой особой работы – ошибки и трагедии в условиях общественного кризиса, что выходит за рамки настоящей статьи (Этой проблеме посвящено немало исследований. См., напр.: Hirshleifer J. *Economic Behaviour in Adversity*. Brighton, 1987).

В данном же случае я хотел бы подчеркнуть другое: за прошедшие пять лет уже сформирована достаточно прочная база для незаидеологизированного экономического анализа.

Для анализа, основанного на цифрах и сопоставлениях нашего собственного опыта и практики других посткоммунистических стран, свободного от искусственных построений, которые отражают политические амбиции одних и социальные мечтания других. И прежде всего это касается наиболее острых вопросов, служащих отправной точкой большинства дискуссий российских экономистов, – взаимосвязи таких основных макроэкономических параметров, как экономический рост и инфляция, а также их обусловленности бюджетным процессом и налоговой системой. Именно в этой области накопленный опыт посткоммунистического развития является наиболее очевидным и позволяет сформулировать достаточно четкие закономерности. Эти закономерности не представляют собой принципиально нового слова в экономической науке – они уже давно перестали быть предметом каких-то особых теоретических споров. Но применительно к

посткоммунистическому развитию сомнения оставались – многие исследователи (по большей части отечественные, нежели зарубежные) полагали, что "развитой социализм" внес в хозяйственную структуру соответствующих стран нечто такое, что коренным образом меняет традиционные представления экономической науки о взаимосвязи основных макроэкономических параметров.

Дискуссии об инфляции

В 1991 году советские экономисты могли позволить себе обсуждать проблемы посткоммунистической инфляции в сугубо абстрактном, теоретическом плане. А какой она будет – затратной или спросовой? Какова будет роль инерционных компонентов? В какой мере скажутся структурные зависимости? Будут ли действовать стандартные взаимосвязи между номинальным ростом денежной массы и сокращением спроса на деньги?

Теперь мы имеем возможность провести сравнительный анализ данных о темпах роста цен, ВВП и денежной массы примерно по 25 странам, где экономическую политику разрабатывали и осуществляли 50 различных правительств, а также, что особенно важно, данных по самой России за 1992-1995 годы (некоторые данные приведены в табл.1). Что же здесь можно сказать нового, включаясь в споры об источниках инфляции и факторах, которые на нее влияют?

Итак, существует два основных подхода. Первый рассматривает инфляцию как преимущественно денежный феномен, то есть как феномен, которым можно управлять при помощи денежной политики. Второй трактует инфляцию как некий структурно заданный процесс, который предопределен технической отсталостью нашей экономики и особенно ее монополизмом. Попробуем их сравнить.

Для начала посмотрим на бывшие страны социалистического содружества. Бросается в глаза, что уровень инфляции исключительно сильно варьировался по странам: например, этот показатель колебался от 10 процентов в Чехии в 1994 году до 4730 процентов в Украине в 1993 году. Причем по всей совокупности стран прослеживается четкая зависимость между темпами инфляции и предшествующим ростом денежной массы со стандартным лагом. Кстати, именно продолжительность этого лага и является специфической особенностью, зависящей как от структуры национальной экономики, так и от степени ее адаптированности к рынку. Лаг короче в экономиках меньшего масштаба – например, в Украине он не превышает трех месяцев, а в России приближается к шести. Лаг удлиняется в экономиках с более развитой структурой рыночных (прежде всего, финансовых) институтов – например, в России в 1992 году он составлял примерно три

месяца, а в 1995 году – уже шесть. Ранжирование стран по критериям роста денежной массы и динамики цен практически одинаково, что позволяет сделать однозначный вывод: динамика цен определяется темпами роста денежной массы с некоторым лагом.

Наконец, взглянем на эту проблему еще под одним углом зрения. Что же получается? Если инфляция, как полагают отдельные ученые, – это некоторый структурно заданный феномен, предопределенный технической отсталостью экономики страны и монополизмом, то неизбежно напрашивается вывод, что, скажем, Украина в 50 раз технически более отсталая страна, чем Албания: ведь в 1994 году инфляция в них составляла соответственно 900 и 16 процентов. Данные об инфляции тогда "подсказывают", что экономика Киргизии (инфляция – 280 процентов) технологически гораздо более развита, чем экономика Беларуси (инфляция на порядок выше – 2200 процентов). Вряд ли какой-либо грамотный экономист всерьез согласится с подобными умозаключениями.

Таблица 1

Динамика ВВП, денежной массы и потребительских цен в странах с переходной экономикой (темпы прироста, в %)

	1991	1992	1993	1994
Албания				
ВВП	-28,0	-7,2	9,6	9,4
Индекс потребительских цен	35,5	236,6	30,9	15,8
M2	104,0	153,2	75,2	39,5
Болгария				
ВВП	-11,7	-7,3	-2,4	0,3
Индекс потребительских цен	333,5	82,0	72,8	96,0
M2				
Венгрия				
ВВП	-11,9	-3,0	-0,8	2,0
Индекс потребительских цен	35,0	23,0	22,5	18,8
M2	16,9	31,0	10,4	10,4
Польша				
ВВП	-7,0	2,6	3,8	6,0
Индекс потребительских цен	70,3	43,0	35,3	32,2
M2		38,8	31,3	40,0

Словакия				
ВВП	-14,5	-7,0	4,1	4,8
Индекс потребительских цен	61,2	10,0	23,2	13,4
М2				
Словения				
ВВП	-9,0	-5,4	1,3	5,5
Индекс потребительских цен	117,7	201,3	32,3	19,8
М2		236,9	40,9	43,4
Чехия				
ВВП	-14,2	-6,6	-0,5	2,6
Индекс потребительских цен	56,5	11,1	20,8	10,0
М2	28,8	17,3	20,5	21,5
Беларусь				
ВВП	-2,0	-10,0	-10,6	-20,2
Индекс потребительских цен	94,0	1065,0	1188,0	2220,0
М2	74,0	508,0	928,0	1183,0
Россия				
ВВП	-13,0	-19,0	-12,0	-15,0
Индекс потребительских цен	92,6	1354,0	896,0	302,0
М2	125,9	642,6	416,2	197,9
Украина				
ВВП	-11,9	-17,0	-13,0	-23,8
Индекс потребительских цен	91,0	1445,0	4730,9	900,0
М2	101,0	921,0	2103,0	465,0

Источник: данные МВФ.

Теперь рассмотрим динамику инфляции во временном разрезе – по периодам. Обратимся к опыту Украины. Динамика цен в Украине очень тесно следовала за динамикой денежной массы, причем с коротким лагом. В октябре 1994 года правительство Украины начало проводить сдерживающую денежную политику. Темпы роста денежной массы резко пошли вниз. Инфляция, которая составляла 70 процентов в октябре 1994 года, была снижена до 4–5 процентов к лету 1995 года. Затем, с июля–августа 1995 года, в Украине начался новый "приступ" экономического популизма. За один месяц было выдано кредитов на сумму, предназначавшуюся для всего III квартала, –

и уровень инфляции утроился на протяжении следующих двух месяцев. Разве технологическая структура в Украине за эти месяцы претерпела столь радикальные сдвиги?

Аналогичная ситуация сложилась и в России, где также наблюдается очень четкая зависимость темпов роста цен от перепадов денежной политики. В Институте экономических проблем переходного периода была разработана достаточно простая модель, включающая в себя два фактора – рост денежной массы и инерцию инфляции с соответствующими весами¹. Ретроспективная проверка модели дает коэффициент корреляции роста денежной массы и инфляции, равный 0,9. Думаю, что это является достаточно убедительным свидетельством в пользу вывода о том, что инфляция в России представляет собой денежный феномен и ею можно управлять при помощи денежных параметров.

Правда, здесь я должен оговориться, такой вывод верен лишь для ситуации, когда уровень инфляции составляет выше 50 процентов в год. Если же инфляция ниже этого уровня – включаются и другие факторы. Данный вопрос требует специальных исследований. Известно, например, что в посткоммунистических экономиках существуют факторы, поддерживающие инфляцию на довольно высоком (по сравнению с нормальными 2–3 процентами в год) уровне – 10–40 процентов – на протяжении достаточно продолжительного периода времени. Здесь уже основным денежным параметром, обуславливающим рост цен, являются не изменение спроса на деньги и не изменение скорости обращения денег, как это было в период высокой инфляции, а прежде всего процесс дедолларизации экономики и соответственно рост денежной базы в связи с увеличением валютных резервов.

В 1995 году в российской экономике уже появились первые признаки усиления влияния таких факторов, и они станут доминирующими, если проводимый в текущем году макроэкономический курс останется неизменным и он не будет в очередной раз принесен в жертву интересам внутривнутриполитической борьбы.

Инфляция и экономический рост

Другим важным вопросом является взаимосвязь инфляции и производственного спада (или роста). Эта проблема оставалась одной из центральных в экономических дискуссиях на протяжении XX столетия, и к настоящему времени утвердилась точка зрения, принятая всеми направлениями современной западной экономической мысли.

---

¹ Модель описана в статье Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Альтернативы экономической политики и проблемы инфляции//Вопросы экономики. 1995. №12.

Поскольку экономисты бывших социалистических стран были практически лишены возможности участвовать в этих дебатах, нам приходится переживать эти перипетии заново. На протяжении последних лет мы были свидетелями и страстных призывов "дать денег и спасти производство", и альтернативных высказываний, вообще отрицающих влияние инфляции на динамику производства. И теперь некоторые политики призывают поддерживать производство даже ценой инфляции 10 процентов в месяц (подобные заявления делают и Г. Явлинский, и Н. Рыжков). Тем не менее, почти весь мировой опыт показывает, что при подобном уровне инфляции экономический рост невозможен.

Здесь имеет смысл говорить о данной проблеме в краткосрочном и долгосрочном аспектах. В интервале трех–четырёх месяцев (краткосрочный период) снижение темпов роста номинальной денежной массы и в России, и в других постсоциалистических странах действительно обуславливает дополнительное падение производства. Этот абсолютно объективный факт подтверждается всеми наблюдениями.

Но если посмотреть на развитие событий в долгосрочном аспекте, придется сделать прямо противоположный вывод. Выясняется, что устойчивый экономический рост в пореформенный период начинается только в тех странах, где инфляция опускается до уровня ниже 50 процентов в год. Там, где инфляция выше, падение производства продолжается, хотя и разными темпами.

При обобщении данных об инфляции и экономическом росте (спаде) целесообразно разделить страны на три группы. Во-первых, страны с уровнем инфляции свыше 100 процентов в год, для которых характерно устойчивое падение производства. Во-вторых, страны, где этот показатель ниже 50 процентов, – здесь, как правило, наблюдается устойчивый рост. И в-третьих, страны, в которых этот показатель находится в промежуточном интервале – 50–100 процентов; для таких стран характерны разнонаправленные помесечные изменения: не наблюдается ни устойчивого роста, ни устойчивого падения.

Чем же обусловлена подобная взаимозависимость? Ведь устойчивая высокая инфляция, как правило, является признаком показной заботы правительства об объеме производства. Нигде столько не говорили о защите производителей, как в Украине.

Нигде не были столь сильны позиции директорского корпуса, выбивающего себе льготные кредиты, дотации, настаивающего на проведении взаимозачетов, как в Украине или в Беларуси, – и именно в этих странах налицо самая высокая инфляция и самое глубокое падение производства. В общем, мы наблюдаем два стандартных процесса, о которых было известно еще из экономической теории, но наиболее ярко проявившихся именно сейчас – в экономической практике постсоциалистических государств. Высокая

инфляция – это высокий налог на сбережения в национальной валюте, это совершенно неизбежное "бегство" капитала, приоритет краткосрочных финансовых операций по сравнению с инвестициями в национальную промышленность. Таким образом, высокая инфляция жестко блокирует экономический рост.

(Значимое исключение представляет собой, пожалуй, только опыт Бразилии 60-х годов. Но там действовали совершенно особые политические и экономические предпосылки, которые достаточно хорошо изучены экономистами².)

Итак, в краткосрочном периоде только там, где удастся сбить инфляцию до уровня ниже 50 процентов в год, создаются реальные предпосылки роста (табл. 1). Но, скажем, в интервале от 10 до 40 процентов уже встают вопросы: насколько жесткой должна быть денежная политика и остается ли приоритетным дальнейшее снижение темпов инфляции? Здесь начинает действовать ряд структурных факторов, из которых наиболее влиятельным является неэластичность цен в сторону их понижения, и в этой связи рождается тенденция к повышению уровня инфляции при устранении ценовых диспропорций. Но, повторим, такие факторы становятся действенными при инфляции в интервале 10-40 процентов в год, а никак не при инфляции в 300 процентов.

Поэтому возникает другой вопрос – принципиальный с точки зрения современной экономической политики России, с точки зрения перехода ее в фазу экономического роста. Можем ли мы в принципе уже сейчас снизить инфляцию до уровня, совместимого с экономическим ростом, или нам вновь придется пойти по пути "разгона" инфляции, блокирующего экономический рост на перспективу. Именно в этом заключается дилемма сегодняшнего дня, именно в этом ключе идут дискуссии о бюджете на 1996 год. Проблема здесь не в арифметике или методике расчета допустимого уровня инфляции (1 или 3 процента в месяц), а в стратегической направленности экономической политики.

Некоторые экономисты считают, что в России на протяжении ряда лет будет сохраняться достаточно высокая инфляция. К ним принадлежит Г. Явлинский. Суть его тезиса состоит в том, что российской экономике внутренне присуща некая "фоновая" инфляция порядка 10 процентов в месяц и ниже она в ближайшие годы никак опуститься не может по ряду причин, в основном структурного характера. Раз так, раз инфляция "внутренне присуща", то нечего и пытаться ее снижать. Данную позицию наглядно отражает записка бюджетного комитета Государственной Думы. Проанализируем тезис Г. Явлинского с точки зрения имеющегося опыта и здравого смысла.

Прежде всего, отметим, что практический опыт ни одной из

---

² См., напр.: Dornbusch R., Simonsen M.H. – eds. Inflation. Debt and Indexation. The MIT Press / Cambridge – Mass, London

посткоммунистических стран не подтверждает подобный вывод. Везде, где финансовая политика была более или менее последовательной, инфляция снижалась до величин, гораздо более низких.

Можно, конечно, возразить, что Польша и Киргизия, Чехия, Словакия и Молдавия для нас не пример. Россия абсолютно уникальна и некие особые факторы не позволят снизить уровень инфляции ниже каких-то заданных величин. Однако в качестве контраргумента достаточно вспомнить хотя бы наш собственный опыт: в 1992 году удалось снизить рост цен до 10 процентов в месяц, а в 1994 году данный показатель опустился ниже 5 процентов.

Разумеется, окончательный ответ на вопрос, поможет ли политическая воля опустить инфляцию до 60 процентов годовых, дает только конкретная практика. Тем не менее, анализируя логику подобной позиции, обратимся к реальным фактам. Итак, 1995 год. Политика правительства России достаточно устойчиво антиинфляционна. И говорить о том, что схожесть инфляционной динамики с показателями 1994 года позволяет прогнозировать и провал политики 1995 года, по меньшей мере некорректно. Ведь политическая логика была совершенно иной.

В I квартале 1994 года продолжалась жесткая политика, характерная для осени 1993 года, которая к весне (с шестимесячным лагом) стала давать свои результаты. Первая половина 1995 года – это продолжение политики 1994 года. А вот со второго полугодия 1995 года доминируют принципиально иные по сравнению со вторым полугодием 1994 года тенденции. Здесь наблюдаются радикальные различия в динамике и инфляции, и валютных резервов. Если бы гипотеза о 10-процентном "фоновом" уровне российской инфляции была верной, то осенью 1995 года Россия неизбежно столкнулась бы с резким ускорением спада производства. Но этого не происходит.

Много и справедливо говорится о снижении доходов населения. Но при этом упускают из виду одну маленькую, но принципиальную деталь: а когда это произошло? Если проанализировать помесечные данные о реальных доходах, о реальной заработной плате и об инфляции доходов, нетрудно увидеть, что рост дифференциации и весь объем падения доходов приходится на период с ноября 1994 по февраль 1995 года, то есть на период высокоинфляционного всплеска, последовавшего за денежной накачкой лета 1994 года. Это была инфляционная волна, естественным следствием которой стала дифференциация доходов (*табл.2*).

Таблица 2

Динамика показателей доходов населения

	Реальные денежные доходы (июль 1995 г. = 100%)	Коэффициент концентрации доходов* (индекс Джини)	Фондовый коэффициент дифференциации доходов*	Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, млн. чел.
1994 г.				
Июль	100,0	0,038	13,2	36,6
Август	105,3	0,385	13,5	29,3
Сентябрь	105,5	0,395	14,1	30,4
Октябрь	102,5	0,396	14,3	30,0
Ноябрь	97,6	0,412	14,4	33,9
Декабрь	112,9	0,409	15,1	30,1
1995 г.				
Январь	75,6	0,397	14,2	49,4
Февраль	77,1	0,404	14,4	50,4
Март	84,1	0,389	13,6	43,9
Апрель	84,4	0,385	13,3	43,1
Май	85,3	0,382	13,3	42,2
Июнь	88,7	0,382	13,4	41,5
Июль	86,0	0,380	13,3	39,2
Август	86,9	0,380	13,3	34,9
Сентябрь	88,6	0,382	13,4	32,8

* Индекс Джини и фондовый коэффициент рассчитаны согласно методике Госкомстата РФ ежемесячно по данным о доходах, накапливаемых с начала года.

Итак, 1995 год: российская экономика. Падения производства нет, инфляция постепенно снижается. И в такой ситуации раздаются призывы отказаться от жесткой политики и начать покрывать дефицит госбюджета за счет эмиссионных кредитов Центрального банка. Здесь стоит более внимательно присмотреться к опыту двух предшествующих попыток стабилизации. 1992 год: процесс блокирования инфляции срывается в результате мощного давления Верховного Совета, принимающего решения о примерно двукратном увеличении бюджетных расходов. 1994 год: ключевая роль в срыве стабилизации принадлежит опять законодателям – Государственной Думе, принявшей весной поправки к бюджету, которые необоснованно увеличивали бюджетные доходы и расходы. И вот теперь, в 1995 году, по мере поступательного движения к стабилизации, в парламенте вновь раздаются призывы перейти к эмиссионному финансированию дефицита бюджета. Мы видим, что всякий раз, когда инфляция снижается и открывается реальная возможность добиться стабилизации, перейти от спада к экономическому росту, в высшем законодательном органе страны появляется мощная сила, главная цель которой – срыв стабилизационного курса.

Логика событий свидетельствует о том, что "фоновый" уровень инфляции создают не какие-то внутренние экономические факторы, а конкретный политический механизм,

находящий соответствующее "институциональное" оформление среди законодателей. А это уже совсем иная зависимость.

Экономическая реформа и налоги

Еще одной важнейшей проблемой всех посткоммунистических стран является формирование оптимальной налоговой системы. Ее острота обусловлена сутью тех противоречий, тех кризисных явлений, с которыми приходится сталкиваться всем посткоммунистическим экономикам.

Существует четко прослеживаемая мировая тенденция – постепенный (по мере повышения уровня экономического развития) рост доли налоговых изъятий. Например, при всех условностях оценки ВВП начала XX века, можно ясно видеть, как от налоговых изъятий, равных в среднем 10 процентам ВВП до первой мировой войны, страны подходили к 20 процентам в середине века. А в настоящее время среди наиболее развитых государств с уровнем ВВП на душу населения 15-28 тыс. долл. доля налоговых изъятий колеблется от 30 до 50 процентов ВВП.

Словом, существуют объективно заданные рамки. Есть и некоторая свобода маневра. Так, уровень налоговых изъятий выше 50 процентов ВВП присущ "социально ориентированным" экономикам типа шведской, переживающим в настоящее время тяжелый финансовый кризис, 30-процентный уровень характерен для стран, находящихся в стадии устойчивого роста.

Рассматривая экономики с уровнем развития, соответствующим российскому (ВВП на душу населения равен примерно 5 тыс. долл.), следует отметить, что лишь посткоммунистическим экономикам этой группы присущи более чем 30-процентные налоговые изъятия.

Специфика социализма как нерыночного хозяйства, как системы, отрицающей рынок, состояла в том, что иерархическая зарегулированность (плановость) экономики давала возможность "снимать" объективные ограничения, накладываемые рынком на макроэкономику. Социализм "создал" экономику, которая распределяет через бюджет более половины ВВП и при том не разваливается.

Не будем оценивать подобные "возможности" социалистической экономики, важно подчеркнуть другое: когда иерархическая система рушится и начинает действовать рыночная система координации, возникает острейшее макроэкономическое, воспроизводственное противоречие. Вся экономика привыкла работать в условиях перераспределения через бюджет половины ВВП, а сейчас государство не способно получить для этих целей более 30-35 процентов, да и то при огромном напряжении сил.

Вся экономическая структура оказалась приспособленной под такой уровень вовлеченности государства в экономику, который несовместим с работой рыночных механизмов.

Опыт показывает, что здесь существует только один стратегический выход. Это – достаточно решительное приведение в соответствие реальных бюджетных расходов и источников налоговых поступлений, а также максимальное упрощение налоговой системы с целью повышения ее эффективности. Ни в коем случае проблема бюджетного дефицита не может быть решена посредством повышения налоговых ставок, поскольку такие меры лишь загоняют все большую часть экономики в теневой сектор.

Стратегический вопрос сегодняшней российской экономики – упрощение налоговой системы, максимальное ограничение и отмена налоговых льгот при максимальном сокращении круга применяемых налогов. Сложная система стимулирования производства через налоговый механизм может более или менее эффективно работать лишь в условиях финансовой стабильности, хорошо отлаженного государственного аппарата, действенной налоговой администрации. В современной же российской ситуации такие шаги могут лишь привести к парадоксальным результатам, когда, например, доходы от водки в бюджете оказались рекордно низкими за всю историю страны начиная с XIX века. Таковы последствия применения индивидуальных налоговых льгот при попытках "тонкой подстройки" налоговой политики к задачам стимулирования экономики.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Конечно, поразительной недалекостью было бы сводить все проблемы экономического развития России только к проблемам финансовой стабилизации. Да вряд ли сторонники подобной точки зрения вообще существуют – уже поэтому столь популярный в настоящее время полемический задор многих публикаций становится бессмысленным. Всем ясно, что стратегия реформ в России на ближайшие годы отнюдь не сводится и решению финансовых задач. Но здесь очень важно "с водой не выплеснуть и ребенка": раз финансовая стабилизация – не единственная проблема, то и не важная. А ведь нередко смысл многих высказываний сводится именно к этому. Принять такую позицию означает лишь одно: открыть прямой путь к стагнации экономики, росту социальной дифференциации и социальному конфликту.